

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЗАПАДНЯ

ОТ НЕГО НЕ СБЕЖАТЬ...

Мария Высоцкая

Мария Высоцкая
Западня. От него не сбежать...
Серия «Западня», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67656386

SelfPub; 2022

Аннотация

Он – мой единственный шанс на спасение. Когда-то этот мужчина любил меня. Я же считала его другом и была одержима его братом. Сейчас я сама пришла к нему за помощью. Заключила сделку. Он же ворвался в мою жизнь вихрем. Позволил вдохнуть чуть глубже. А еще я поняла, что, кажется, люблю его. Люблю его, а он меня ненавидит... Я пришла за помощью, когда не было выбора, а угодила в настоящую западню...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Мария Высоцкая Западня. От него не сбежать...

Глава 1

Я пришла за помощью, когда не было выбора, а угодила в настоящую западню...

Это страшно – прийти в логово зверя. Страшно просить помощи у того, кто считает тебя пустым местом. Тело будто говорит мне: «Беги, Луиза, беги отсюда как можно дальше». Но я намеренно отмахиваюсь от внутреннего голоса. У меня нет выбора, этот визит – вынужденная мера.

Вскидываю руку, поочередно собирая пальцы в кулак, выдыхаю, еле слышно касаясь костяшками деревянной поверхности. На стук это похоже отдаленно. Повторяю действие чуть громче и слышу заветное: «Войди».

– Здравствуй, Клим, – от волнения мой голос становится высоким и очень писклявым, – спасибо, что...

– Что? – бархатный и до дрожи волнующий баритон окутывает пространство кабинета. Мне кажется или я реально вижу, как он обволакивает это помещение?

– ...что согласился встретиться, – прочищаю горло, но там

по-прежнему сухо. Настоящая пустыня, не могу даже сглотнуть. Хочется пить.

Нервно разглаживаю ткань джинсов на бедрах. Я намеренно не надела платье, потому что шла на переговоры. Я хочу с ним диалога. Сейчас я не женщина. Сейчас я человек, который просит о помощи. У меня нет пола.

– Чего ты хочешь? – Клим огибает стол, присаживается на его край и убирает руки в карманы брюк.

Он высокий, с крепким, до идеальности проработанным в спортзале телом античного бога. Темно-бордовый костюм превосходно сидит на мужском теле, подчеркивая все его достоинства. А в расстегнутом вороте черной рубашки виднеется мощная шея. Встреть я его где-нибудь на улице случайно, точно бы не узнала. Теперь он другой. Клим Вяземский, мальчик из моего детства, парень, чувства которого я отвергла, потому что думала, что люблю другого. Люблю его брата. Тогда я искренне в это верила.

Лучшим решением будет уйти отсюда, не обострять тот ад, в котором я живу, но я должна довести начатое до конца. Если это поможет спасти жизнь брата, то я готова сделать все, что он мне сейчас скажет. Мне больше негде просить помощи.

– Рома опять вляпался... – начинаю еле слышно и переступаю с ноги на ногу.

– Мне это ни о чем не говорит, – он вальяжно приподнимает бровь, а я чувствую себя полной дурой. Ну да, это же не

он постоянно вытаскивает моего брата из вечных передраг, и если до сегодняшнего момента я могла разобраться со всем этим сама, то теперь дело набрало обороты и поставило меня в тупик.

– Мне нужны деньги, Клим. Если я не заплачу до утра, его убьют. Ты же знаешь, Ромка глупый, импульсивный, но он единственный родной мне человек после смерти родителей...

– Не дави на жалость, Луиза, мне все равно на твои душевные травмы, хотя, знаешь... – Клим прищуривается. – Одна ночь, и я помогу тебе, – он кривит губы в хищном оскале. Чувствует свою вседозволенность.

– Ты же понимаешь, что после такого я никогда тебя не прощу? Никогда... – шепчу ему прямо в лицо, но разве ему есть до этого хоть какое-то дело? Он хочет унижить. И у него прекрасно получается.

– Я переживу, Лу-Лу, – Клим снисходительно улыбается, окидывает меня презрительным взглядом и подцепляет пальцами кулон. Да, я все еще его ношу, удивлен? Моя бровь произвольно ползет вверх. Он проворно ловит мой взгляд и срывает цепочку. Резко, без сожалений. Все, что у меня остается, – несколько красных отметин с узором плетения цепи.

– Сними уже эти безвкусные тряпки.

Он говорит это так обыденно, словно просит меня принести ему чашку кофе. Выпускает из захвата и делает шаг на-

зад. Хищно наблюдает за каждым вдохом. Дает немного свободы, но я продолжаю задыхаться. Смотрю на него и не верю в то, что это происходит с нами.

Зачем он меня так назвал? Лу-Лу. Дурацкое прозвище из прошлого, из безобидного, счастливого прошлого, от упоминания о котором мое глупое сердце начинает биться чаще.

Клим прикладывает пальцы к небритому подбородку, прищуривается.

– Я совсем забыл, ты же спишь с моим братом. Некрасиво получается...

Он издевается. Я знала, знала, что Клим не сможет обойти Виктора стороной. Сглатываю, сцепляя пальцы тугим замком.

– Я...

– Ты его подстилка, я в курсе. Восемь лет в любовницах, все еще надеешься стать женой? – продолжает говорить все то, о чем я стараюсь не думать. Просто живу с этим вот уже восемь лет. Сплю с мужчиной, пресмыкаюсь перед ним, вру в глаза его жене, ненавижу себя за это, но никак не могу от него уйти. И не потому, что люблю, нет, теперь я в этом уверена. Просто он не позволяет мне этого сделать. Крепко держит за горло.

Вот и сейчас у меня тоже нет выбора. Касаюсь ладонью своего плеча, медленно стягивая пиджак. Ткань сползает по руке вниз и оказывается за спиной. Сглатываю. Мне страшно. Глаза застилает пелена из слез, но я повторяю действие,

и пиджак падает к ногам. Как и говорила, если Клим спасет моего брата, я буду согласна на все.

Запрокидываю голову и вдыхаю аромат мужского парфюма. Что-то терпкое, древесное, с еле слышными нотками табака. За время, что я здесь, впервые смотрю ему в глаза. Янтарные, колючие, но в то же время горящие огнем. Я вижу там азарт и что-то еще, оно дикое, запретное.

– Я передумал, – Клим подцепляет лямку моей майки указательным пальцем и расплывается в улыбке. Она ослепительна, а еще от нее становится жутко. Черты его лица заостряются, и он проводит пятерней по угольно-черным волосам, поправляя идеально уложенную шевелюру. – Пожалуй, я найду другое применение твоим способностям...

– Я разберусь с проблемой, но за тобой остается должок.

– Какой?

– А вот это будет зависеть от обстоятельств, – голос становится жестче. – Свободна.

Как собаке. Теперь он говорит и смотрит на меня как на бездомную дворнягу.

– Мне нужны гарантии, гарантии, что ты вернешь мне Ро-му живым и...

– Гарантии? – обрывает мою речь. – Ты еще ничего не сделала, Лу-и-за, – переходит на шепот, – ну, кроме того, что выставила себя шлюхой. Запомни! В отличие от тебя, я всегда держу свое слово.

*Бесплатная предыстория – «Я тебе не друг»

Глава 2

Его люди не церемонясь вышвырнули меня на улицу. Не очень-то благородно. Хотя о каком благородстве может быть речь, если я стою под проливным сентябрьским дождем и дрожу от страха?! Он медленно смешивается с холодом, а промозглый ветер продувает до костей. Лоферы вымокли насквозь, и каждый мой шаг теперь сопровождается громким чавканьем воды под стельками. Не помню, как добираюсь до дома. Просто иду вперед и не оглядываюсь. Обнимаю руками продрогшее и вымокшее до нитки тело и растираю ладонями плечи, чтобы хоть немного согреться.

В квартире тепло и сухо. Скидываю мокрую обувь, шмотки и плетусь в ванную. Мне нужен горячий душ, чай, таблетка от головы, а еще снотворное. Вряд ли я смогу уснуть сама после всего, что сегодня произошло: сначала звонок с требованием денег, угрозы жизни моего брата, а потом унижительный поход к Климу. Почему-то по своей дурости я представляла все иначе. Наверное, все еще ассоциирую его с тем парнем, которого я знала восемь лет назад. Только вот от него уже давно ничего не осталось. Этот контраст воспоминаний с тем, что я видела в его глазах сегодня, – дико пугает.

Растираю гель для душа между ладонями, медленно намыливая тело. Все еще дрожу. Мне до сих пор адски страшно, я же прекрасно понимаю, что не могу сделать ровным

счетом ничего, чтобы помочь брату. У меня нет такой суммы, нет связей, и, как сказал Клим, я вот уже как восемь лет просто подстилка богатого мужика, но даже к нему я не могу обратиться за помощью. Если попрошу, лишь усугублю наше с Ромой положение. И то, что сегодня Виктор отсутствует в стране, мне только на руку.

Обернувшись полотенцем, переступаю бортик ванной и выхожу на кухню. Включаю чайник, щелкнув по кнопке, которая в момент подсвечивается синим, и сажусь за стол, предварительно захватив с собой чашку. Шум кипящей воды становится громче, наливаю жидкость в кружку и достаю из аптечки таблетки. Заглатываю обе капсулы и запиваю большим количеством воды.

Смотрю на горячий чай, от которого идет пар, и вдруг осознаю, что была готова согласиться. Я была готова переспать с ним за помощь. Я же начала снимать пиджак. Значит, внутри уже дала себе зеленый свет. Становится противно. В эту самую минуту я чувствую себя той, кем он меня называл, пить больше не хочется. Выливаю чай в раковину и иду спать. По дороге закидываю в рот еще одну таблетку снотворного.

Просыпаюсь от телефонного звонка. На часах пять утра.

Клим сдержал свое обещание. Мне позвонили из больницы и сообщили, что мой брат у них. Он стабилен, с ним все хорошо. Я верю им на слово, а когда вижу его побитое лицо вживую, мне становится жутко. Жутко и очень страшно. Синяки, кровоподтеки, на шее яркий след от веревки, руки

усеяны мелкими ранками. Что с ним делали? Отшатываюсь, вжимаюсь спиной в стену. Я практически не успела войти в палату. Так и стою у двери, ошарашенная увиденным.

Ромка приоткрывает один глаз и растягивает губы в улыбку. От этого движения запекаясь под корочкой кровь вновь выступает, медленно скатываясь по подбородку.

– Дурак, – иду к нему, качая головой, – какой же ты дурак. Я чуть с ума не сошла. Если бы тебя убили? Что бы со мной было? Рома? Тебе семнадцать, ты должен учиться, а не... – я повышаю голос, не замечая, как это делаю. Но внутри столько эмоций, они бесконтрольны, я никак не могу их обуздать.

– Не ори, башка болит.

– Башка? Башка? Ты хоть понимаешь, что мне пришлось сделать, чтобы вытащить тебя из этого дерьма? Куда ты влез? – всхлипываю и резко отворачиваюсь к окну. Пытаюсь сдержать слезы.

– Хотел заработать.

– Тебе не хватает тех денег, что я даю?

– Хватает. Но нам нужны бабки, чтобы свалить отсюда. Так далеко, где Мельников нас не найдет.

– Все гораздо серьезнее Ром, Виктор не отпустит...

– Если у нас будет достаточно денег, – переходит на шепот, – мы просто исчезнем. Я знаю, что из-за меня ты ходила к Климу. Он сказал... – Рома закашливается, и я быстро даю ему воды. Пол-литровую пластиковую бутылку с трубочкой.

– Ты говорил с ним?

– Он лично был здесь. Мне придется отработать.

– Что? – мои глаза, сейчас, похожи на блюда. – Нет, мы же с ним договаривались, я...

Все повторяется. Повторяется. Становится дурно. Этого просто не может быть. Он же обещал.

– Это я ему предложил, – поясняет Рома.

– И он согласился?

– Он не сказал «нет». Мы можем снять Мельниковскую удавку его руками.

– Или вырыть себе еще по могиле. Клим очень изменился...

– Это же он предлагал тебе уехать тогда? После смерти родителей. Ты рассказывала о нем? Я прав?

Прав, ты прав, только вот зря я тебе это взболтнула. Восемь лет назад, после смерти моих родителей, Клим действительно предлагал мне уехать с ним. Он окончательно разорвал отношения со своей семьей, которые и так трещали по швам, и двинул в Москву.

Пришел ко мне среди ночи, хотел забрать с собой... А потом, потом за моей спиной появился Виктор в одних брюках, с расстегнутым ремнем. Мне было стыдно. Тогда Клим сказал в запале, что Витька все равно на мне не женится, моих родителей нет, я нищая и больше не вхожа в элитный круг.

Я не поверила, но чуть позже все его слова подтвердились. Только вот идти на попятную было уже поздно. Мой воздушный замок рассыпался, империя отца была разорена.

У меня отобрали все: недвижимость, деньги и даже брата. А Виктор – он предложил мне помощь с оформлением опекунов над Ромой. Одна, я бы не справилась. Никто не станет отдавать ребенка безработной, восемнадцатилетней, теперь уже оборванке. Я была так ему благодарна и даже подумать не могла, что вскоре все это обернется против меня.

– Тогда у него были ко мне чувства. У него ко мне, а у меня к Виктору. Я же думала, что выйду замуж, обрету семью, оформлю твоё опекунство...

Я и правда так думала. Верила в сказки и хотела быть принцессой. Я познакомилась с Виктором на каком-то семейном празднике, он только прилетел из Лондона, а моя семья была приглашена к ним в дом. Тогда наши отцы только начали общий бизнес. Мне было шестнадцать. Я смотрела на Виктора издалека. Он был красив, обаятелен, вокруг него всегда была куча поклонниц. В тот вечер он сам обратил на меня внимание, мы долго разговаривали несмотря на то, что между нами было десять лет разницы. Наверное, я влюбилась в него с первого взгляда. Чуть позже нарочно сдружилась с Климом. Я приходила в их дом под предлогом подготовки к школьному экзамену по английскому, Клим уже учился в универе, как раз на переводчика – я же, готовилась к поступлению на журфак, подтягивала язык и тайком наблюдала за Виком.

Клим же стал моим другом, я делилась с ним своей болью, неразделенной любовью и тем, как несправедлива жизнь. А

потом, потом я решила стать взрослой. Я понимала, что Виду нет дела до неопытных девочек, слышала своими ушами, а потом, совершила свою первую ошибку. Переспала с Климом, лишилась невинности, для нас обоих это ничего не значило, точнее, мне так казалось, что не значит. Я ведь даже подумать не могла, что нравлюсь ему.

– А если они у него до сих пор есть?

– О чем ты?

– Чувства к тебе.

– Он хотел, чтобы я расплатилась телом сегодня ночью.

Это похоже на чувства? – вскидываю бровь.

– Ты... – Ромка подается вперед, но я проворно остужаю его порыв. Упираюсь ладонью в его грудь. Удерживаю.

– Нет. Это была лишь издевка, чтобы лишить выбора и выставить меня шлюхой. Именно той, кем он меня и считает, – подвожу итог нашей беседы и очень надеюсь, что мы к этой теме больше не вернемся.

– Значит, остается надеяться, что, когда начнется дележка власти и папочкиного наследства, они друг друга поубивают.

– Остается... Давай уже сменим тему, – поправляю накинутый на плечи белый халат и поднимаюсь со стула, чтобы приоткрыть окно. Слишком душно, стоит проветрить.

Из больницы выхожу к обеду. Сначала сижу с Ромкой, потом долго общаюсь с врачом, благодарю, конечно же материально. оплачиваю отдельную палату и сиделку. Возможно, последняя – лишняя, но я воспитываю Рому сама и, конеч-

но, докучая ему гиперопекой. Ему было девять, когда родителей не стало, а мне едва исполнилось восемнадцать. У меня нет никого ближе и роднее, чем он.

На подходе к собственному подъезду замечаю черный «Хаммер». Я никогда раньше не видела здесь этой машины – немного настораживает. На этаж поднимаюсь пешком, впрочем, я делаю так всегда. С определенного момента, конечно, и на то есть свои причины. Аккуратно дергаю ручку собственной входной двери, и она оказывается закрыта. Выдыхаю. Проворачиваю ключ и забегаю в квартиру. Оглядываюсь, почти на цыпочках перемещаясь в кухню, она соединена с гостиной, не слишком большое пространство, но места хватает.

– Пусто, – бормочу себе под нос, наконец-то стягивая с плеч кожаную куртку. Сегодня значительно похолодало, не зря всю ночь лил дождь.

Вытаскиваю из холодильника запеченное мясо и ставлю тарелку в микроволновку. Она старая и до ужаса громкая. Под ее шум невозможно расслышать, например, шум шагов или то, как в моей спальне открылась дверь. Услышать нельзя, вот ощутить на своей спине взгляд – можно.

Пальцы практически на автомате сжимают нож, он лежит на столе, совсем близко. Зажмуриваюсь и резко разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, размашисто вытягиваю руку с холодным оружием вперед. Не успеваю сориентироваться, а лезвие уже упирается в плечо черного пиджака са-

МЫМ КОНЧИКОМ.

– Совсем дура? – громкий бас сотрясает мою маленькую квартирку, а его владелец выдирает нож из моей руки. Бросает на пол, и я морщусь от звука падения металла.

– Зачем ты пришел?

Глава 3

Откуда у него ключи, не спрашиваю. Но в голове ставлю заметку, сменить замок.

– Точно не за этим, – Клим смотрит на нож и отходит в сторону. Отодвигает пальцем тюль, висящий на окне, бросает взгляд во двор и резко задерживает штору.

Осматривает комнату презрительно, чуть дольше задерживая глаза на фото, которые висят на стене над угловым диваном. Семейные фото.

– Узнаю брата, раскошелиться на нормальную хату явно не про него, – озвучивает свое заключение.

– Это моя квартира, – упираюсь взглядом в мужской подбородок. В глаза намеренно не смотрю. – Виктор не имеет к ней никакого отношения.

Эта квартира – еще одна моя петля. Ипотека.

Клим хмурит лоб, поворачивается вокруг своей оси, будто после моих слов оценивает здесь все по-новому. Между братьями всегда были разногласия и девять лет разницы. Да и братьями они были лишь на словах. Мать Клима вышла второй раз замуж за отца Виктора. Странная семья, они плохо ладили между собой, но на каждом сборище хотели показать обратное. Все, все кроме Вяземского. Тогда он еще тоже был Мельниковым. Фамилия, которой его с барского плеча наградил отчим.

А потом появилась я и все стало только хуже. Моя слепая любовь к Вите оказалась триггером для Климa. В день моего восемнадцатилетия Виктор сделал мне предложение. Конечно, это было заранее обговорено с отцом, отчасти тот брак был договорным, но я так помешалась на своем женихе, что подобная формальность меня вовсе не смущала.

Все прошло пафосно, но до безумия романтично. После помолвки Клим пожелал мне не быть такой душой. А ночью следующего дня мои родители попали в аварию, разбились насмерть. Тогда-то все и изменилось.

– Так зачем ты пришел? – повторяю чуть громче, но он не реагирует на мои вопросы.

– Где твое гостеприимство, Лу-у-иза? – растягивает мое имя. – А как же предложить гостю кофе? – прикладывает пальцы к подбородку, и полы его пальто разъезжаются, открывая моему взгляду рукоятку беретты.

– Закончился, – нерв на моем лице дергается.

– Чай, я так понимаю, тоже? – его голос сочится иронией, а я желаю лишь одного – пусть он уйдет. Сейчас. Скажет, что ему от меня нужно, и свалит отсюда куда подальше. Рядом с ним я чувствую себя гадко. Это вина или же отвращение после тех вещей, что он вчера говорил, а может, и тех, что делала я сама все эти годы...

– Тоже.

– Жаль, а я надеялся на нормальный диалог. Мне кажется, я был к тебе более радушным. Разве нет?

– Когда принуждал к сексу? – загибаю пальцы на правой руке. – Или когда назвал шлюхой?

– Ты обиделась? Не принимай так близко к сердцу, – очередная усмешка. Клим упирается ладонью в спинку стула и выдвигает его из-за стола. – Присядь.

Он смотрит на меня пристально, как бы приглашая взглядом сесть на этот чертов стул, но мои ноги приклеиваются к полу. Не могу сдвинуться с места.

– Садись...

Он не повышает голоса. Наоборот, говорит настолько спокойно, практически без каких-либо эмоций. И вот это пугает куда больше. Когда человек так хладнокровен, от него стоит ожидать самого худшего.

Выставляю ногу вперед и проезжаю подошвой тапочка по плитке, которой отделан кухонный пол. Клим внимательно следит за каждым моим движением и, когда я оказываюсь рядом, придвигает стул ближе. Киваю в знак благодарности, медленно оседая. Вяземский не убирает руку со спинки. Костяшки его пальцев касаются меня где-то в области лопатки. Именно там становится особенно горячо. Чувство, что мне на кожу льют раскаленный металл. Клим давит своим присутствием, нависает надо мной, от него пахнет улицей, резковатыми духами с явными нотками черной смородины, табаком и дождем.

– Твой брат порывается отработать долг, – бросает словно между делом.

– Не впутывай его сюда, мы дого... – подаюсь вперед, но Клим с нажимом давит на мои плечи, вынуждает прилипнуть к стулу.

– Договаривались. Но он сам проявил инициативу, я не просил. Он связался с наркотой, тебе следовало лучше за ним присматривать.

– Что? – мои глаза округляются, я не верю своим ушам. Такого просто не может быть. Рома дурной, но наркотики...

Деньги! Он хотел заработать денег, именно об этом и говорил в больнице. Заработать так много, чтобы мы смогли уехать отсюда как можно дальше. Спрятаться и начать жизнь заново. Сколько лет мы думаем об этом, мечтаем. Сколько раз я пыталась вырваться из этого замкнутого круга, но каждый раз все заканчивалось одинаково. Шантаж, угрозы, мое повиновение.

– Испугался ментов. Скинул товар. Попал на деньги, ему дали три дня и включили счетчик. Конечно, там было не так много, как с тебя требовали, но ребятки нехило накрутили процент за моральный ущерб. Бизнес.

Клим огибает стул, на котором я сижу, и, дернув на себя еще один, располагается напротив. Широко расставляет ноги и откидывается на спинку. Его рука ложится на стол, и он похлопывает ладонью по поверхности, чем очень нервирует.

Меня напрягают эти звуки и его взгляды.

– Он просто очень импульсивный, – складываю руки на груди. Закрываю себя, пытаюсь защититься.

– Это называется без мозгов. Итак, к нашему с тобой делу, – вытаскивает смартфон и, свайпнув по экрану, замолкает. Набирает текст, а когда телефон издает соответствующий звук, что ответное сообщение пришло, читает его и откладывает смартфон в сторону. – О чем я? Точно, дело. Передашь вот этот накопитель директору своего канала. Ты же еще там работаешь?

– Да. Что на нем? – кошусь на черную коробочку из пластика.

– Можешь посмотреть. Для тебя у меня всегда найдется лишняя пуля.

Сглатываю и отдергиваю руку, которую едва успела вытянуть, чтобы взять накопитель.

– Шутка. Чтобы удовлетворить твое любопытство: там нет ничего криминального или противозаконного. Нужно просто передать.

– Хорошо. Если это все, то тебе лучше уйти.

– Мне кажется или ты нервничаешь?

Клим подается вперед, упираясь локтями в колени. Его ноги по-прежнему широко расставлены.

– С чего мне нервничать? Я же до безумия рада тебя видеть, – показательно улыбаюсь.

– Я так и думал, – придвигает меня ближе. Ножки стула отвратительно скребут по полу, раздражая слух. Как вилкой по стеклу. А в дверь звонят.

Вяземский затихает, отточенным движением вытаскивает

ствол и снимает тот с предохранителя.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет.

Мотаю головой, а сама хаотично соображаю, кто мог прийти ко мне в такое время. На ум приходит лишь Виктор. Но его нет в городе. Неужели он вернулся раньше? Что будет, если он встретит здесь Клима? Каковы мои шансы остаться невредимой после этого?

– Иди открой и без фокусов, – Вяземский толкает меня в прихожую

Глава 4

Несколько шагов, а мои нервы уже расшатаны настолько, что это невозможно вообразить. Прилипаю к двери и смотрю в глазок. Глухой звук срывается с губ сам. Тяжело вздыхаю и не знаю, что делать дальше.

Поворачиваюсь к Вяземскому и ловлю его настороженный взгляд. Он кивает, как бы спрашивая меня, кто там.

– Это один из охранников Вити, – шепчу.

– Что ему нужно?

– Не знаю, –жимаю плечами.

– Открывай, – Вяземский давит, а я не могу открыть чертову дверь. Не могу. Никто, никто из окружения Мельникова не должен знать, что я ходила к Климу, никто из них не должен видеть его здесь. В моем доме.

– Зайди в ванную, – сжимаю руки в кулаки, – пожалуйста, спрячься в ванной, Клим. Он не долже...

Договорить не успеваю. Ключ в двери издает характерный звук – еще три оборота, и дверь будет открыта. Я считаю про себя секунды и, не думая ни о чем, толкаю Вяземского в ванную, от неожиданности он поддается моему напору. Переступаю порог и тяну на себя дверь, она закрывается ровно в тот момент, когда распаивается уличная.

– Ты охре...

– Ш-ш-ш, – прикладываю пальцы к мужским губам, оста-

навливая поток негодования. Я чувствую его дыхание, оно обжигает. Отдергиваю руку, ощущая свой зашкаливающий пульс.

В прихожей слышатся шаги. Тихие, вкрадчивые. Застываю и стараюсь не дышать. Мне кажется, сделай я вздох, и тот, кто бродит там, по моей квартире, сразу меня услышит.

Охваченная страхом, абсолютно не замечая, как впиваюсь в руку Клима, вонзаю в его кожу ногти и до боли кусаю свои губы. Мне невдомек, что я подошла слишком близко, приклеилась к нему всем телом. Меня парализовал страх, и сейчас я ни черта не соображаю. Слышу лишь звук отсылаемого в патронник патрона. Вяземский тоже напряжен.

Входная дверь хлопает – остервенело, громко, и я медленно выдыхаю. Выпускаю из легких воздух, а вместе с ним и этот дикий ужас.

Клим щелкает выключателем, и я морщусь от яркого света.

– Может, уже отлипнешь?

– Да, – киваю и отскакиваю в сторону, словно в меня плеснули кипятком.

– Что за цирк ты устроила? – Вяземский ставит ствол на предохранитель и наконец-то убирает его с моих глаз. Становится легче. Невообразимо легче.

– Виктор не должен знать, что я к тебе приходила, – переминаюсь с ноги на ногу, думая лишь о том, не выйдет ли мне моя откровенность боком.

– Интересно, – Клим проводит костяшкой пальца по темной брови. – Что еще он не должен знать?

– Ничего. Я сделаю все, о чем ты просил и попросишь. Но Витя...

– Я понял, угомони шарманку.

Клим ведет рукой перед моим лицом, давая понять, чтобы я наконец замолчала. Ударяет кулаком о дверь ванной, и та распахивается. Я слышу его громкие удаляющиеся шаги и первые секунды не решаюсь идти следом, а когда заглядываю в гостиную, округляю глаза. На диване огромная коробка, украшенная белым бантом. Вяземский закатывает глаза, а я дергаю ленту. В коробке платье и открытка. Пробегаюсь глазами по тексту и удивленно смотрю на Клима.

– Что? – он чувствует мой взгляд спиной.

– Твой отец устраивает прием по случаю твоего возвращения? – мои брови ползут вверх, но именно об этом написано в пригласительной открытке. Очередной пафосный выпад Мельникова старшего. Праздник в честь не любимого, вернувшегося сына.

– Тебя тоже пригласили? Удивительно, – звучит с явной насмешкой.

Я всегда думала, что Клим не ладит с отчимом. Сколько скандалов я подслушала, сидя в его комнате, не сосчитать. А теперь вот ужин в его честь...странно.

– Видимо, да, – пожимаю плечами и кладу открытку обратно.

Виктор всегда таскал меня на подобные мероприятия. Приходил с женой, но я обязательно должна была присутствовать в поле его зрения. Возможно, это было какой-то шизанутой потребностью для него (чтобы взять меня в туалете от нехватки остроты эмоции) или же просто способом унижить меня. Не знаю. Первые пару лет после каждой такой вылазки я рыдала в подушку и ненавидела его жену. Я, как полная дура, продолжала верить в сказки о том, что брак фиктивный, все временно. Верить ему, когда он рассказывал, как сильно меня любит. И что как только решатся все его дела, он разведется. Разведется и сразу женится на мне. Но ужас в том, что проблемы не заканчивались, а проекты становились лишь масштабнее. Виктора пожирали амбиции и желания большего. Я погрязала во лжи и своей новой, гадкой жизни.

Глава 5

Вряд ли это было правдой – его любовь. А вот моя, моя выкручивала руки и заставляла захлебываться собственной кровью.

Он просил об одолжениях... и я делала, делала все, что он скажет. Выполняла его поручения, потому что всегда, всегда хотела ему помочь. Я стала отменной дрянью, действующей без сожалений и моральных принципов. И чем хуже становилась я сама, тем больше времени он проводил рядом. Его притягивали пороки и то существо, что он из меня лепил.

– ...ты оглохла?

Голос Клим доносится откуда-то издалека, хлопаю ресницами и наконец-то обращаю на него внимание.

– Хам, – бурчу себе под нос и поднимаюсь с дивана. – Что ты хотел? – спрашиваю на выдохе. Я спокойна. Полностью спокойна.

– Накопитель отдашь сегодня.

– К чему такая срочность?

– Не твое дело.

Клим делает пару шагов, и расстояние между нами исчезает.

– Не нужно задавать вопросов, с ответами на которые ты не справишься, – проводит тыльной стороной ладони по моей щеке. Он максимально собран, спокоен. Даже мой дурац-

кий выпад не заставил его повысить голос. Он смотрит мне в глаза так пристально, будто хочет увидеть душу. Я не должна так реагировать, но сейчас я противоречу себе же, хватаюсь за него, как за спасательный круг. Может быть, Рома прав? Может быть, я смогу снять удавку со своей шеи с помощью Клима. Что, если попробовать? Ведь он и правда меня любил, а значит, у меня есть шанс. Я могу разбудить его чувства, использовать в своих целях, а может быть, даже стать счастливой... Сглатываю, чувствуя легкое повторяющееся прикосновение ко второй щеке. Крепко стискиваю зубы и опускаю взгляд.

– Проводи.

Он так резко отстраняется, что от неожиданности я по инерции подаюсь вперед. Шагаю следом и никак не могу выбросить из головы эти дурацкие мысли. А если действительно получится? У меня слишком мало шансов начать нормальную жизнь, пока Виктор рядом. Я должна хотя бы попытаться.

Клим уже толкает дверь, а я, я поддаюсь порыву. Прилипаю к нему и целую. Обхватываю его шею ладонями, сосредотачиваясь на этой близости. Превращаюсь в сплошной комок нервных окончаний.

Клим вскидывает бровь, а потом, с силой сжимает мою талию, впивается грубыми пальцами мне в кожу и пригвозждает к стенке. Все это происходит так быстро, я и понять ничего толком не успеваю. Только всхлипываю от прознающей бо-

ли. Вяземский тем временем шумно втягивает носом воздух, знаю, что чувствует мою дрожь. Чувствует, а потому улыбается – уголками губ, еле заметно, но эта картинка врезается в память.

–Пусти,– замахиваюсь, чтобы ударить его, но на деле, выходит жалко.

–Разве ты хотела не этого?– Клим разводит коленом мои подгибающиеся ноги, и сжимает горло стальным хватом. Лишает воздуха. Я словно рыбка выброшенная на берег, шевелю губами, пытаюсь вдохнуть, но все бесполезно.

Сейчас, в его глазах огонь – если бы меня спросили, как выглядит ад, то я бы непременно описала этот пылающий яростью взгляд. Злой, голодный. Вяземский без колебаний готов причинить мне боль.

А я, снова не рассчитала сил, понадеялась на чертово прошлое...

Шиплю, и его захват тает. Клим отстраняется, обтирает руки об пальто, и почему-то именно этот жест задевает до глубины души. Он вытер после меня руки.

– Не стоит больше так делать, Луиза, – качает головой, осматривая меня как какую-то букашку, – я позвоню, когда ты мне понадобишься.

Клим уходит, а мой сотовый начинает пиликать на весь дом. Определенная мелодия, под определенного абонента. Я уже знаю, кто мне звонит. Смотрю на буквы из которых сложено имя «Виктор», и сползаю по стенке вниз.

Глава 6

Сажусь на пол и несколько раз легонько бьюсь затылком о стенку, крепко сжимая в руках телефон. Улыбаюсь, стирая свое разочарование с лица, и отвечаю на звонок. Говорю бодро, как и всегда.

– Я отправил тебе подарок, – Витя шелестит бумагами и, кажется, делает затяжку. Курит. – Но тебя не оказалось дома.

– Я только пришла. С каких пор твои люди вламываются в мою квартиру? – с укором. – Тебе не кажется...

– Луиза, не начинай. У меня нет времени на твои претензии. В субботу, в семь жду в отцовском доме. Кстати, есть разговор.

– Какой?

– Узнаешь, когда придешь.

Витя еще что-то говорит, но я особо не слушаю. Отвечаю по инерции. Когда эта пустая болтовня заканчивается, сбрасываю звонок и кладу телефон на пол рядом с собой.

Так и сижу в прихожей у самой двери. Смотрю в простирающееся перед глазами пространство гостиной и думаю о том, какая же я дура. Это ужасно признавать, но, кажется, пренебрежение Клима прожгло во мне дыру. Огромную, бездонную пропасть. А еще его появление заставило почувствовать себя живой. Меня чертовски давно ничего не задевало. А вот его презрение – еще как.

Я и так прекрасно знаю, кто я. Знаю, на что способна. Я все о себе знаю. Я не хорошая и никогда ею не была. Просто жила, как умела, и ничего вокруг себя не видела. Ни-че-го. Шла за своим сердцем, но оно, к сожалению, привело меня совершенно не туда.

Касаюсь пальцами шеи и понимаю, что на ней больше нет цепочки и кулона. Клим с корнем вырвал его из моей жизни.

Он подарил его мне на то самое восемнадцатилетие, за пару часов до предложения Вити. Надел, застегнул, коснулся волос и молча ушел. Не знаю, почему я так его и не сняла. Проносила последние восемь лет и ни разу не подумала о том, чтобы закинуть в какой-нибудь дальний ящик. Возможно, он напоминал мне о том хорошем, что было в моей жизни до аварии, смерти родителей и всех этих ужасов. Он напоминал мне о дружбе, а в особенно страшные дни о человеке, который был со мной искренним, который любил. Ведь, как оказалось, он был единственным, тем, кто любит.

В дверь снова звонят, выпрямляюсь, дергаю шпингалет и толкаюсь вперед.

– Я к тебе... – Ирка застывает с поднятой рукой, в которой сжимает бутылку то ли вина, то ли шампанского. Неважно. – Луиза, что с тобой? У тебя глаза красные. Ты плачешь? Ты – и плачешь?

Подбираюсь и стираю со щек влагу. Действительно, слезы, а я и не заметила.

– Тебе показалось, – передергиваю плечами и расплыва-

юсь в улыбке, прежде чем убрать руки в задние карманы джинсов.

Ира отодвигает меня в сторону и проходит в квартиру. Закрывает дверь и опускает бутылку на пол. Пальто бросает на длинный диванчик без спинок. Расстегивает молнии сапог, поочередно высвобождая ноги.

– Так, рассказывай. Что случилось? – Стрельцова деловито задирает подбородок и прищуривается.

С Ирой мы знакомы последние семь лет. Я тогда еще была студенткой факультета журналистики, тихой, не отвечивающей. Боялась каждого шороха, мне все время казалось, что окружающие знают мою грязную тайну. Знают о том, что я любовница...

А вот Стрельцова, наоборот, любила быть в центре внимания. Ее жизнь была ключом. Активистка, отличница, красавица. Ириша меняла мужчин как перчатки и никогда ни о чем не сожалела. Она подошла ко мне первая. Я рыдала в туалете, потому что сделала аборт. Витя сказал, что сейчас не время, как и всегда накормив обещаниями счастливого будущего, за ручку отвел к врачу, а потом отправил домой. Домой я не пошла, поперлась на пары, только в аудиторию так и не попала, спряталась в туалете. Сидела там на подоконнике и выла в свои ладони.

Я ненавидела себя за то, что сделала. Содеянное уничтожало морально, а мне не с кем было поделиться этой болью. Совсем.

Ирке даже допытываться у меня не пришлось. Два вопроса, и я обрушила на нее весь шквал своих эмоций.

– Все нормально, Ириш.

– Ну конечно, рассказывай, – Ира цокает языком и быстро осматривается. – Пахнет мужскими духами. У тебя появился любовник, – заключает безапелляционно.

А мне хочется громко рассмеяться. Ира в курсе многих подробностей, многих, но не всех. И потому частенько равняет мои отношения со своими, а как итог делает неверные выводы.

– Нет, – бормочу и иду в кухню. – Чай будешь?

– Конечно нет. Я же со своим, – ставит на стол бутылку и достает из шкафа штопор. – У меня такой бедлам, – опускается на стул, грациозно закинув ногу на ногу, – муж приставил охранника, – закатывает глаза, – чувствую себя на цепи.

– Он все еще беспокоится, – протягиваю свой бокал, – на него покушались.

– Да знаю я. Просто раздражает. Зачем я вообще за него замуж выходила? Все же в универе я была набитой душой. Может, развод, а?

– Все совсем плохо?

– У меня любовник, у него любовница. Нет, у нас прекрасная семья, – говорит с сарказмом. – Ни общих интересов, ни совместного отдыха, ни детей, – на последнем слове Ира осекается, выпрямляет спину и залпом допивает содержимое своего бокала. – Устала я, Луиз. Хочу обычного жен-

ского счастья. А не это вот все. Буквально на днях поймала себя на мысли, что завидую нашей Дане. Любовь у нее, муж – орел. Дети. Сраная идиллия.

Поджимаю губы, потому что ответить мне нечего. Из нас троих Данка, наверное, действительно самая счастливая. С ней мы тоже в универе познакомились, на последнем курсе, с тех пор вот и дружим втроем.

– Ты, кстати, в курсе, что папаша твоего Витьки устраивает банкет? Мы приглашены.

– Да. Я тоже.

– Мой сказал, что Мельниковский пасынок вернулся. Только все равно не пойму, ты говорила, они никогда не ладили. Стоп, так ты же, он же... а-а-а, Луиза-а-а-а, – Ирка широко открывает рот и округляет глаза. – И ты пойдешь?

– Да.

– И тебе совсем не страшно? Ну, увидеться с ним через столько лет. Ты же сама говорила, что он...

Знала бы ты, что я натворила за последние сутки, вряд ли бы так удивлялась.

– Ир, это было очень давно. Сейчас все по-другому. Да и не могу я не пойти.

– Ну да, Витька взбесится, – поддакивает. – Вот интересно, зачем Клим вернулся?

– Я и сама очень хочу это узнать, – прикладываю пальцы к губам и тяжело выдыхаю.

– Мой сказал, что Мельникову недолго осталось. Рак. По-

следняя стадия. Может, решил загладить грешки прошлого перед пасынком?

– Может быть. Мне их отец никогда не нравился. От одного его взгляда мороз по коже.

– Ой, и не говори. Только вот муж не в восторге от того, что Витек у руля после папочкиной смерти встанет.

– Я думаю, что найдется очень мало тех, кого это обрадует.

Пока Ирка рассуждает о том, какой Витька говнюк, я пристально смотрю на накопитель. Он по-прежнему лежит на столе и дожидается минуты, когда я отвезу его директору канала, на котором работаю вот уже как два года.

– Ирусь, мне еще на работку нужно заскочить и к Ромке в больницу.

– Ромка в больнице?

Черт! Никому не стоит знать о Ромкиных делишках, даже моей подруге. Улыбаюсь и продолжаю:

– Да, грипп подхватил. Ночью температура шарахнула, пришлось скорую вызывать.

– Ужас. Ладно, беги. Слушай, можно я у тебя посижу? Домой совсем ехать не хочется.

– Ладно, я на пару часов.

Глава 7

В телецентре первым делом забегаю к себе, за несколько часов моего отсутствия на столе скопилась приличная стопка бумаг. Когда я получила должность редактора-координатора и поняла, что отныне вся деятельность творческой группы, занимающейся сбором информации и созданием новостного сюжета, завязана на мне, – опешила. Канал у нас маленький, поэтому основа, конечно, местные новости. Но, несмотря на это, геморроя все же хватает. Иногда приходится быть мамочкой или же злобным цербером для сотрудников.

С этим я разберусь позже. Мажу взглядом по принесенным бумагам – пора. Прижимаю сумку к груди и топаю к директору канала. Пока взбираюсь по лестнице, никак не могу перестать думать, что там, на этом накопителе, и какие дела могут быть у Клима с нашей Горгоной. Амалия Константиновна Берг – царь и Бог этой обители, по совместительству дотошная незамужняя дамочка сорока лет. Откуда ее вообще знает Клим, и если знает лично, то зачем эти сложности? Почему не отдаст накопитель сам? Вопросов море, а вот с ответами куда скуднее.

Заношу руку и касаюсь дверной поверхности костяшками пальцев.

– Войдите, – скрипучий голос по ту сторону сегодня зву-

чит раздраженно. Кажется, Амалия не в духе.

– Добрый день, – прикрываю за собой дверь и лезу в сумку, – меня просили тут вам передать.

– Здравствуй, Хабибуллина. Спасибо, можешь идти.

Амалия кидает накопитель в ящик стола и переводит взгляд к ноутбуку. Меня своим вниманием больше не балует, и слава богу.

Выхожу в коридор и громко выдыхаю. Прижимаюсь головой к стенке и прикрываю глаза. До ночи разгребаю бумаги, составляю отчеты для руководства, созваниваюсь с завтрашними «жертвами» нашего ведущего журналиста и даже выползаю на площадку, наблюдаю за прямым новостным эфиром. Ирония в том, что главная экранная звезда здесь – Мельникова Ангелина Станиславовна. Жена Виктора.

Отработав программу, Геля машет мне рукой и с искренней улыбкой на губах приклеивается с объятиями.

– Без тебя здесь сегодня такой бедлам, ужас. Куда ты пропала? – Ангелина откидывает за спину свои светлые густые волосы и поправляет манжеты.

– Ромка приболел, скорую пришлось вызвать. Жар.

– Какой кошмар. Может быть, нужна помощь? Ты же нам не чужая, Луиз. Почти член семьи.

Она говорит без иронии. И правда так думает – ну о том, что после гибели моих родителей Мельниковы взяли нас с Ромой под опеку. Член семьи, блин.

Иногда мне так и хочется открыть ей правду, вывалить все

это дерьмо, и пусть делают что хотят. Разбираются как хотят. Хочется... но я не могу. Слишком сильно подставляюсь. Сама точно не выгребу.

– Спасибо, мы справимся, Гель.

– Ну, если что...

– Я поняла. Обязательно обращусь, – приторно улыбаюсь, а Мельникова чешет в гримерку.

Передергивает. Пытаюсь унять дрожь и тупые мурашки. Они расползлись по всему телу и колются, колются. Еще один кофе, отчет – и домой.

С таким настроем я завершаю этот рабочий день и уезжаю уже за полночь. Дома долго брожу по пустым комнатам, никак не могу заснуть. Ворочаюсь, поднимаюсь, дышу свежим воздухом на балконе, а потом снова залезаю под одеяло. Нужно выпить свое снотворное. Честно говоря, даже не помню, когда засыпала без него. Не помню.

Откидываюсь на подушку, а в голову вновь лезут эти навязчивые мысли. Они все, как одна, вертятся вокруг Вяземского. Чтоб его.

Если я сейчас скажу, что не думала о нем все эти годы, то жестко совру сама себе. Конечно же, думала, анализировала. Что, если бы я согласилась тогда уехать с ним? Как бы мы жили? Возможно, счастливо, а возможно, давно разбежались бы. Что бы случилось с моим Ромой? Его бы усыновила другая семья, как говорил Витя?

Вопросов так много, как и исходов событий. Но я уже вы-

брала свой путь. Наломала дров, наделала ошибок. Вывернула всю себя наизнанку десятки раз. Летела с обрыва, поднималась, а потом летела вновь. Я стала той, кого презирала в свои восемнадцать. Наглой, беспринципной, изворотливой тварью. Я сама себя погубила. Может быть, все, что происходит, – это некое наказание за мои решения? А может быть, просто стечение обстоятельств. Не знаю.

Закидываю в рот таблетку снотворного и почти сразу проваливаюсь в сон.

Впервые за долгое время он яркий, солнечный. Я вижу маковое поле, слышу смех. Знакомый смех. Оборачиваюсь, уже зная, кто там. Мама. Она обнимает, шепчет что-то мне на ухо, но я не могу разобрать и слова. Пытаюсь, но у меня не выходит. Я переспрашиваю, сжимаю ее ладони, но она растворяется...

Поле тает на глазах. Теперь я в комнате, до боли знакомой, с приглушенным светом ночника, стоящего на тумбочке. Я сижу в кресле и впииваюсь ногтями в свое запястье. Я помню эту ночь. Помню свои слова и его глаза. Они наполнены разочарованием и чем-то еще. Тогда я еще не понимала чем, а сейчас знаю наверняка – любовью.

Мы сидим друг напротив друга, я в кресле, Клим на кровати. На нем только джинсы, он так и не надел футболку. Наблюдаю за покачивающимся черепом на цепочке, он висит у него на шее, и не могу поднять глаз.

– Значит, для тебя это ничего не значит? – его губы из-

гибаются в полуулыбке, а я задыхаюсь. Близость была моей инициативой, и он поддержал ее. Посмеялся, что секс по дружбе, это даже весело.

Весло настолько, что теперь, я давлюсь происходящим. Почему он так смотрит? Ему же все равно, еще один трофей. Он сам рассказывал, что каждая девчонка равна кресту на кожаном браслете. А теперь прожигает меня взглядом, будто бы я ему что-то должна. А может быть, просто ждет, чтобы я поскорее ушла.

– Как и для тебя, – сглатываю вставший в горле ком и просыпаюсь.

Открываю глаза. На часах шесть утра. Итого проспала я от силы часа четыре. Душ, завтрак и поездка к Ромке.

Дожевываю бутерброд и всовываю ноги в ботинки. Шарф, куртка, ключи, сумка. Расстегиваю молнию и убираю в нее телефон. Отлично. Выхожу на лестничную клетку и застыываю. Передо мной стоит Виктор. Кажется, он должен был вернуться только завтра.

– Зачем ты ходила к моему брату?

– Что? – пячусь, припечатываясь спиной к двери. – Что за бред, кто тебе такое ска...

– Клим. Мы мило побеседовали за обедом у отца. Он все еще верит в нашу любовь, дорогая. Хотел уколоть.

Витя прищуривается и подается ко мне. Его пальцы огибают мое горло, сдавливают.

– Ты с ним трахалась? – шепчет, касаясь моей щеки язы-

ком, который оставляет после себя влажный след. – Отвечай, когда я спрашиваю.

– Нет, – шиплю, пытаясь дышать равномерно, – нет. Пусти, – впиваюсь ногтями в его руку, – пусти!

– Умница, еще рано. Это даже хорошо, что ты сама к нему поперлась. Так будет убедительнее.

Виктор загорается улыбкой и даже поправляет ворот моей куртки. Заботливый, мать его.

– О чем ты? – хмурюсь, все это мне абсолютно не нравится.

– Помнишь, я говорил тебе о деле, в которое посвящу на ужине отца?

– Помню.

– Все, что от тебя требуется, это поумерить бдительность моего брата. Как ты это умеешь. Мы проворачивали с тобой такое сотни раз. Сделаешь красиво, и мы в расчете. Свалите со своим мелким упыренком на все четыре стороны, ведь ты этого хочешь?

Киваю и до боли сжимаю в кулаке ключи.

– Я не шлюха. Прекрати пытаться меня под кого-то подложить.

– Точно? – заламывает бровь, – Ты забыла про наш маленький секрет? – бьет точно в цель, – Устала от хорошей жизни? Так я могу исправить.

– Зачем тебе это?

– Он лезет туда, где ему нет места, в семейный бизнес.

– Но по завещанию все и так достается тебе.

– Согласен, только вот мой маленький братец за эти годы приобрел поддержку в столице. Не хотелось бы ударить в грязь лицом. Ты будешь отвлекающим маневром, маленькой занозой в тылу врага. Помни, одно дело – и мы в расчете.

Мельников уходит, а я еще минуту стою здесь, словно приросла к полу. В голове до сих пор вертятся сказанные им слова: «...поумерить бдительность моего брата. Соблазнить, влюбить, как ты это умеешь. Сделаешь красиво, и мы в расчете».

В расчете!

«Свалите со своим мелким упыренком на все четыре стороны».

Свалите...

«Наш маленький секрет».

Что мне теперь делать? Это же шанс...или...

Глава 8

В субботу вечером Ромку наконец-то выписывают из больницы. Выглядит он, конечно, устрашающе, но я рада, что теперь буду не одна. За эти годы я так привыкла, что он рядом. Веду себя как наседка.

– Ты тут без меня вообще не ела, что ли? – брат хлопает дверцей холодильника и опускается на стоящий рядом стул с банкой вишневого йогурта в руках.

– Ну так, набегами, – щелкаю кнопкой на чайнике, и тот начинает тихо шуметь. – Как ты? Синяки вон пожелтели уже.

– Лучше всех. Не бери в голову, – Ромка отправляет в рот еще одну ложку и внимательно на меня смотрит.

– Что?

– Серьезно? У тебя тут апокалипсис происходит, а ты спокойная как танк.

– А смысл рыпаться?

– И чью сторону занимаем? – братец вытягивает шею и резко морщится, все еще больно. Бедный мой.

– Не знаю. Я не доверяю Вите, но и Клим... Он как бы тоже не самый надежный элемент в этой цепочке.

– Когда банкет?

– Через три часа.

– И ты еще не на макияже?

– Девочка должна вот-вот приехать, – опускаю взгляд и

пристально смотрю на свои пушистые тапки. На кой черт я их купила? Розовое уродство.

– И все же я считаю, что нам стоит держаться поближе к Вяземскому. Если ты ему расскажешь про Витькины планы... думаю, заработаешь доверие.

– Будто бы я об этом не думала, – вновь смотрю на брата. Он сидит в расслабленной позе, темные волосы взъерошены, а черные глаза поблескивают каким-то азартным предвкушением.

– Давай я ему скажу. Ну типа сама ты к нему идти боишься.

– Обалдел? Дома сиди, скажет он.

– Ой, Лу, мне не десять, – закатывает глаза и даже хочет пожестикулировать, только вот облом. Боль ползет по его лицу гримасой.

– Но и для семнадцати умишка маловато. Это надо было так вляпаться с этой наркотой.

– У меня перед глазами всегда был достойный пример, – брат ухмыляется, а я закатываю глаза. Юмор у Ромы своеобразный, но бьет точно в цель.

Тут он прав, нормального примера перед глазами у него и правда не было. Я вечно варилась в каких-то мутных делишках. Помогала Вите. Последние четыре года только помогала, желание спать с ним отпало, а он не из тех, кто будет брать силой. Если после аборта, вереницы обещаний, псевдопомощи с адским моральным давлением я еще верила в

его слова и надеялась на счастливое будущее, будучи полной закомплексованной душой, то тогда, четыре года назад, все кардинально изменилось. Он окончательно перешел черту в своих играх. Отправил к какому-то партнеру, я должна была передать документы. Только вот этих чертовых бумаг там никто не ждал. Там меня ждали. Я была подарком к заключению сделки. Этот урод положил на меня глаз, и Витя с барского плеча...

– ...Лу, я говорю, к тебе пришли, – голос Ромы врывается в воспоминания, тормозит меня.

– Слы-шу, – проговариваю очень медленно и сажусь перед зеркалом. За спиной появляется улыбчивая девочка Лиза.

Она около полутора часа наводит мне красоту. Убирает волосы наверх, контурирует лицо, подчеркивая скулы. Делает из меня настоящую стерву. Я теперь такая не только внутри, но и снаружи.

После ее ухода еще пару минут смотрю в зеркало. Выщипанные и идеально покрашенные брови с симметричными заломами на хвостиках, не широкие, но и не тонкие. Губы с чуть более пухлой нижней и четко очерченными треугольниками верхней. Глаза – темные, с бежево-золотыми тенями и черными ровными стрелками, чуть вздергивающими внешнее веко. Лисий взгляд.

Вытаскиваю из присланной Мельниковым коробки платье, прикидывая к груди. Алое, с довольно провокационным вырезом по ноге и открытыми плечами. Точно, я же должна

начать соблазнять Клима. Выглядеть шлюховато теперь мой долг. Только вот меня терзают смутные сомнения на этот счет. Даже если я и попытаюсь, Вяземский скорее придушит меня, чем начнет доверять или хоть как-то отвлечется на мои поползновения.

– Систер, это космос.

Ромка с широкой, по-мальчишески озорной улыбкой появляется в дверях моей спальни. Подпирает косяк плечом, сложив руки на груди.

Я стою перед зеркалом, полностью готовая к выходу.

– Думаешь? – разглаживаю слегка бархатистый материал на талии.

– Ага. Тебя сегодня ждать?

Передергиваю плечами и поворачиваюсь к нему лицом.

– Посмотрим. Если что, позвоню.

В доме Мельниковых шумно. Сегодня здесь и правда собралось много народу. Сердце заходится в бешеном ритме, а каждый шаг отдается в голове уколом боли. А может быть, и укором?! Чем дальше я продвигаюсь, тем ужаснее себя чувствую.

Витины холодные руки касаются моей талии, и я вздрагиваю. Он стоит позади, крепко сжимает пальцы, вдавливая их в мою кожу, спрятанную под платьем. Мышцы спины напрягаются, а плечи расправляются, становятся шире. Грудь по инерции толкается вперед, округляется еще больше.

– Хорошо выглядишь, это то, что нам нужно, – улыбается.

Я не вижу, но чувствую это по интонациям.

– Луиза! – громкий, довольно задорный голос его жены позволяет выдохнуть. Вытолкнуть из себя этот холод. Она быстро перебирает ногами и становится напротив.

– Привет, – взмахиваю рукой и наконец понимаю, что Мельников отстранился, – шикарно выглядишь, – пробегаю взглядом по ее светлому, невообразимо нежному платью.

– Спасибо, ты тоже. Роковая женщина, – Геля смеется и поддевает мужа локтем, он приходится ему в бок. – Ты чего такой хмурый? У Витеньки опять проблемы с желудком, – поясняет, чем вызывает у меня улыбку, которую я, конечно, сдерживаю.

Ангелина – дочь Витиного партнера. Она была и есть – выгодная для него партия. И нет, это не делает ее плохой. Отнюдь, в отличие от меня, она добра, мила, да и вообще напоминает розовое облачко. Воздушное и безобидное облачко. И ее отношение – эта златовласая девушка всегда ко мне хорошо относилась, а я... Смотрю на нее сейчас и не понимаю, как могла ненавидеть? К сожалению, свою ненависть я испытывала отнюдь не к тому человеку. Ее даже жаль, она не знает о всех его похождениях, не только обо мне... Ведь этих интрижек было куда больше.

– Как тебе вечер? Ужасно пафосно, скажи? – Ангелина морщит нос, а внутри меня все снова превращается в лед. Я вижу его еще совсем мельком, далеко, но уже чувствую. Между нами несколько метров, а волосы на моих руках

встали дыбом.

Вытягиваюсь, как гитарная струна сразу после настройки. Крепче сжимаю небольшой клатч и улыбаюсь Геле. Она продолжает что-то мне рассказывать, задает вопросы, а потом сама же на них и отвечает.

– Ой, там Клим, что ли? – ее голос вновь врывается в мое сознание.

– Он, – киваю, и в эту самую секунду Вяземский поднимает свой суровый взгляд. Сталкивается со мной глазами. Отвечает кому-то из собравшихся рядом с ним людей и направляется к нам.

Он идет к нам, а у меня земля уходит из-под ног.

Глава 9

С появлением Вяземского становится жутко. Он словно занимает собой все окружающее меня пространство, заполняет его своей аурой, и если честно, то теперь она мне абсолютно не нравится. Я отвожу взгляд, а в голове всплывает наш с ним диалог.

Это было за день до первого сентября. Я как раз поступила в универ, в котором он учился. До моего восемнадцатилетия оставалась пара месяцев.

– Клим, я знаю, у тебя там какие-то проблемы, ну, с той девушкой, что тебе нравится...

На этих словах его брови ползут вверх, а я продолжаю, не придавая значения этой реакции:

– Да, я в курсе, Рябина ляпнул, что у тебя любовь. И судя по твоей хмурой физиономии, безответная. Так вот, знай, она полная дура, что игнорит, ты же такой хороший.

– Точно дура, здесь ты права, – он закатывает глаза и вскакивает с кровати, на которой мы валяемся.

Я же тогда действительно говорила ему все это на полном серьезе. До меня абсолютно не доходило, что эта девушка и есть я. По-моему, отсутствие мозгов это у меня врожденное.

Выныриваю в реальность и понимаю, что Клим мило беседует с Гелей. Она смеется, даже иногда касается его плеча. Вроде ничего не значащий жест, а меня коробит. Меня и

раньше это бесило, когда таскающиеся за ним девки так делали. Только вот свой внутренний протест я трактовала иначе – будто бы переживала за друга.

– Хорошо выглядишь.

– Что? – вскидываю взгляд и понимаю, что он говорит это мне. – Спасибо, – выдавливаю глупую улыбку, чувствуя какое-то странное тепло. Не надо, Луиза, тормози. Ничего хорошего не выйдет. К тому же ты еще не решила, что делать со всем, что на тебя свалилось.

Я должна Вяземскому приличную сумму денег за Ромку. Мельникову должна за то, что секрет остаётся секретом. И каждый из них ведет войну друг против друга. Теперь я это понимаю. Клим вернулся не просто так, это не дружеский визит в город детства. У него здесь свой интерес. И, судя по всему, очень весомый. Неужели он действительно хочет присвоить империю отчима?

Тем временем Геля нас оставляет. Уходит, вынуждая меня быть с ним наедине.

– Зачем ты рассказал Вите? – все же спрашиваю, не стоит этого делать, знаю. Но смолчать не могу.

– О чем именно?

– О том, что я приходила, не строй из себя дурака. Тебе не идет.

– Значит, так нужно, – смотрит на меня в упор. Делаю то же самое, не могу отвести взгляд и проиграть.

– И это весь ответ? – чувствую, как начинаю закипать.

– Да. Скажи-ка лучше ты мне, Луиза...

– Что? – напрягаюсь.

– Не знаю, возможно, тебе есть что рассказать. М-м-м?

Он ведет плечом и делает шаг в мою сторону. Останавливается где-то сбоку, а потом заходит за мою спину. Я чувствую его дыхание на своей шее и мгновенно покрываюсь мурашками. Зачем он это делает? Знает о чем-то? Или просто догадывается?

Страх заключает меня в свои мерзкие лапы.

Клим снова давит. Размыкаю губы, издаю тихий вздох, но сказать про Витин план, так и не решаюсь. Не время, я должна еще немного подумать, определить для себя, насколько я могу ему доверять.

Клим сжимает мои плечи – аккуратно, без давления и боли. Проводит ладонью по внутренней стороне моей руки. Сначала предплечье, после сгиб локтя, запястье, которое обхватывает в кольцо из своих пальцев. Он вроде бы не делает ничего запретного, но меня лихорадит. Эта чертова близость убивает. Заставляет согнуться пополам в душевных муках и терзаниях. Внутри я давно закрываю свой рот ладонями, чтобы не закричать от этой чертовой тоски. Снаружи стою не шевелясь. Только зажмуриваюсь.

Он отыгрывается? Мстит мне за прошлое? Конечно. Я растоптала его чувства, а теперь, теперь он хочет втоптать в грязь меня. Только вот какой способ выберет, загадка...

– Луиза? – его слова очень тихие, чтобы расслышать, при-

ходится напрягать слух.

– Нет, – качаю головой в отрицании, – мне нечего тебе сказать.

– Ладно.

Он отстраняется. Слишком резко отходит в сторону, будто бы и не было его здесь вовсе.

Смотрю в широкую удаляющуюся спину и провожу по своему взмокшему лбу такой же влажной от волнения ладонью.

– Теряешь хватку, – Витя появляется внезапно, улыбается, но глаза остаются холодными.

– Серьезно? – подхожу к нему ближе, упираясь пальцем в грудь. Мельников напрягается, его злит, что я трогаю его безумно дорогой дизайнерский пиджак. У него вечно был пунтик на шмотье. – Неделя, и он сделает для меня все, что я пожелаю. И вот тогда, – обхожу Витю по кругу, – мы с тобой будем в расчете.

Мельников не отвечает, лишь ухмыляется. Я же стараюсь как можно спокойнее отойти от него подальше. Настегаю Вяземского и, слегка коснувшись его руки, произношу:

– Нужно поговорить, не здесь.

– Где? – Клим берет меня за руку, не давая возможности ускользнуть.

– Не знаю, лучше в гостинице...

– Я понял. Найди меня, когда этот цирк закончится.

Вяземский разжимает хватку и вновь удаляется, только те-

перь к отчиму. Его вывезли на коляске. Ужасное зрелище. Еще полгода назад он крепко стоял на ногах и никто даже не догадывался, что его пожирает болезнь.

Остаток вечера я слоняюсь по залу, пару раз выхожу на улицу, потому что атмосфера этого дома душит. В голову лезут ненужные воспоминания. Мои родители часто бывали здесь, вот на таких же сборищах. Мама была такой красивой... Стираю слезу. Смотрю на осенний сад, вдыхаю холодный ночной воздух, а на плечи ложится приятный коже материал. Не нужно гадать, что это. Все понятно по запаху. Клим накинул на меня свой пиджак.

– Поехали, – его голос за спиной. Хочется обернуться, но я этого не делаю.

– Куда?

– В гостиницу.

– Ладно, – стягиваю черный материал, но Вяземский удерживает мои плечи руками.

– Оставь.

– Да, – бормочу, смотря себе под ноги, и медленно иду за ним.

Глава 10

Вяземский водит сам, с ним нет охраны или водителя. Он внимательно смотрит на дорогу, но машину ведет расслабленно. Я бы сказала, лениво. Локоть левой руки упирается в дверь, а кисть правой покоится на рычаге переключения скоростей.

Я смотрю на него из-под полуопущенных ресниц. Вскинуть голову и взглянуть открыто не решаюсь. Делаю это тайком. В тусклом свете приборной панели я вижу его поблескивающие глаза и трехдневную щетину – она добавляет суровости. Он уже успел стянуть галстук, расстегнул верхние пуговицы белоснежной рубашки и даже закатал рукава до локтя. У него крупные руки с выступающими от напряжения венами. Когда он выкручивает руль, это хорошо заметно.

Интересно, о чем он сейчас думает? Почему-то эта мысль никак не выходит из моей головы.

По спине ползет волна мурашек от осенней прохлады из-за того, что Клим приоткрыл окно. По инерции стягиваю полы пиджака крепче. Мое пальто так и осталось в доме Мельниковых, и я не думаю, что вернусь туда, чтобы его забрать.

Передергиваю плечами. Клим скользит по мне взглядом, и стеклоподъемник со стороны водителя резко ползет вверх. Он включает обогрев и все так же, без слов, переключает скорость.

Я не знаю, куда мы едем, а самое главное, даже не спрашиваю. Виски наливаются свинцом – завтра меня настигнет жуткая мигрень. Я уже чувствую ее ауру. Растираю пальцами голову, чтобы хоть как-то облегчить эту тянущую боль. Правда, толку от этого никакого.

Теплый воздух равномерно распределяется по салону, и мое тело тяжелеет. Его окутывает легкой дремой. Так и хочется закрыть глаза, но я этого не делаю, только вытягиваю руку, чтобы выключить печку. Нужно взбодриться. Клим тем временем сворачивает на парковку отеля прямо в центре города.

– Пошли, – тянется к двери и выходит на улицу.

Пару секунд смотрю на его мелькающую за окном фигуру и вылезаю из машины. Ветер подхватывает волосы, и они путаются между собой, загораживают обзор. Приходится приложить усилия, чтобы привести себя в порядок.

В холле просторно и светло. Весь персонал очень приветлив. Вяземскому вручают ключ-карту, и он сразу же направляется к лифтам. Нам на четвертый этаж, и я бы очень хотела преодолеть это расстояние пешком, что и собираюсь сделать. Иду к лестницам.

Вяземский лениво наблюдает за моими поползновениями, вздыхает и подтаскивает к себе. Не церемонится. Просто запихивает в кабину.

– Я пешком... – говорю, стоя одной ногой в лифте.

– Не устраивай представлений.

Клим толкает меня внутрь, и двери за его спиной закрываются, захлопываются, погружая меня в ловушку собственного разума. Прилипаю спиной к стене, закрываю глаза. Глубоко и размеренно дышу. Я справлюсь. Всего пара этажей. В такие моменты я рада, что в нашем городе нет небоскребов. Максимум жилые дома этажей в двадцать.

Гул в ушах нарастает, я уже чувствую прикосновение металла к щеке. Чувствую, как тонкая струйка крови стекает по щеке. Сглатываю. В голове голоса – грубые, громкие. Смех.

– Я буду молчать, – бормочу, – буду молчать, – еще теснее прижимаюсь к прохладной поверхности и хочу лишь одного – раствориться.

– Ты что-то сказала? – голос Клим возвращает в реальность. Вырывает из пучины болезненных воспоминаний. Смотрю на него, опаленная страхом, и отрицательно качаю головой.

Когда мы оказываемся в номере, Вяземский сразу идет к мини-бару, будто бы точно знает, где он, хотя, возможно, он уже был здесь. Наливает виски в глубокий квадратный бокал и бросает туда пару кубиков льда. Мне не предлагает.

Пока он занят напитком, я стягиваю с плеч пиджак. Развожу лопатки и чуть вытягиваю шею, чтобы расправить спину. Мышцы закаменели, будто бы на меня надели железный корсет.

– Уже можешь рассказывать.

– Да, – киваю, а сама внимательно наблюдаю за его отто-

ченными движениями. Клим садится напротив меня в кресло. Закидывает ногу на ногу и ведет подбородком, подталкивая таким образом к разговору.

– Луиза, у меня мало времени. Если ты передумала, дверь там, – кивает в сторону выхода.

– Нет, не передумала. Виктор хочет, точнее... – тереблю пальцами салфетку. – Он послал меня тебя соблазнить.

Вяземский с усмешкой на губах ведет бровью и делает еще один глоток янтарной жидкости.

– Продолжай, – прячет свое веселье за бокалом.

– Он хочет, чтобы я вошла к тебе в доверие.

– Сомнительный метод – входить в доверие через постель.

Брат оправдывает мои ожидания. Но дело в другом, – задает меня взглядом, недобрый взглядом карих глаз, – с чего ты решила рассказать все это мне?

– Просто хочу помочь, ты никогда не делал мне ничего плохого. В отличие...

Договорить он не дает, перебивает:

– Допустим, я тебе верю. – Задумчиво барабанит пальцами по ручке огромного, обтянутого черной кожей кресла, берет паузу в несколько секунд. – Ладно, давай, втирайся в доверие, Лу-иза.

Клим ставит стакан на стеклянный столик и подается вперед. Упирается локтями в широко разведенные колени. Между нами расстояние ровно в один шаг, и это не может не напрягать. Сжимаюсь от резкости и сметающего все на сво-

ем пути напора. Задерживаю дыхание в ожидании его дальнейших действий. Сейчас я дезориентирована и абсолютно не знаю, что от него ожидать.

Он дергает подол моего платья, и разрез мгновенно ползет выше. Нитки трещат по швам. Я охаю на выдохе, Клим же останавливает раскрытую ладонь на моем голом бедре. У него горячие руки.

– Для правдоподобности бурной ночи, – проводит пальцами по моей «гусиной коже». Спускается к лодыжке, а потом убирает руки, – останешься сегодня здесь. Если все действительно так, как ты говоришь, за тобой следят.

Вяземский отстраняется, поднимается с кресла и достает телефон.

– Душ там, – кивает на дверь за моей спиной и выходит на балкон.

Глава 11

Все это происходит за какие-то секунды. Вот он так близко, а теперь снова далеко. Чертовы контрасты.

– Хорошо, – тру затекшую шею и поднимаюсь с диванчика.

Очень долго стою под прохладной водой. Включаю верхний распылитель и упираюсь лбом в стеклянную дверцу кабинки. Все это странно. Зачем я рискую? Не думаю, что в случае опасности Клим меня защитит, я для него такой же расходный материал, как и для Мельникова. Правда, в глубине души трепещет надежда, что это не так. Глупый внутренний голос умоляет сделать все правильно. Хотя раз в жизни поступить по совести – по совести, которой у меня почти не осталось.

Выключаю воду и заворачиваюсь в длинный махровый халат. Он кремовый, приятный цвету глаз. Всовываю ноги в мягкие тапочки и выхожу в приглушенно освещенную комнату. Номер полулюкс. С гостиной и спальней. Кровать одна. Вторая комната только с диваном. Причем довольно неудобным для сна. Стягиваю с влажных волос полотенце и кидаю его на спинку кресла.

Вяземский все еще на балконе, поэтому я пользуюсь моментом и забираюсь под одеяло, потуже завязывая поясок халата. Отворачиваюсь в противоположную от окон сторону

и закрываю глаза. В комнате темно и тихо. Я слышу тиканье часов, громкий ход стрелки меня раздражает. Когда балконная дверь хлопает, настораживаюсь. Тело напрягается, наливается страхом и предчувствием опасности.

Клим ложится на другую сторону. Я отчетливо чувствую, как под его весом проминается матрас.

Еще минут десять я лежу словно на иголках, жду, когда он уснет, чтобы расслабиться. Постоянно прислушиваюсь к дыханию и, когда оно становится размеренным и глубоким, переворачиваюсь на спину, приподымаясь на локти.

Только вот вместо того, чтобы увидеть его расслабленное сном лицо, я вижу темный, колючий взгляд.

Сглатываю, медленно опускаюсь на кровать. Прилипаю спиной к простыне.

Все это слишком. За гранью. Мои расшатанные нервы на пике эмоционального фиаско. Я лезу туда, куда не следует. Делаю то, что может закончиться плохо в первую очередь для меня. С чего вдруг это желание быть хорошей? Неужели я хочу выглядеть такой в его глазах? Это же смешно. Зачем? Он мне никто. Обыкновенный человек. Человек из прошлого. Тогда почему, когда он рядом, меня раз за разом окатывает ледяным душем? Эмоции, как и мысли, путаются в огромный клубок, и я уже не знаю, какая я настоящая. Та, что готова на все, лишь бы выжить. Или та, что готова прийти на помощь другу, даже если он таковой меня и не считает...

Не понимаю. В голове столько мыслей, но я озвучиваю са-

мую глупую. Все равно ни он, ни я не спим.

– Что за информацию я передала Берг?

Вяземский отвечает не сразу. Подбирает слова или решает, стоит ли вообще со мной разговаривать?

– Я просто тебя проверял.

– Там было что-то имеющее вес?

– Скажем так, если бы ты посмотрела и разболтала о том, что видела, Вите, он бы непременно захотел забрать это себе.

Но он не захотел.

– Я играю честно, – звучу с обидой.

– И я тебе за это признателен.

– Если он узнает, что я помогаю...

– Я выведу тебя из игры сразу, как только дойду до нужной точки.

– Выведешь?

Он сейчас вот так просто говорит о том, что...

– Не в том смысле, Луиза. Я не убиваю людей. Тебе и твоему брату ничего не угрожает. Если ты об этом.

– Я могу тебе верить? – переворачиваюсь на другой бок, так чтобы видеть его профиль.

– Никому нельзя верить. Спи.

Не знаю почему, но в памяти вновь всплывает прошлое. Тогда, восемь лет назад, Клим был другим. Ноль серьезности, на уме одни гулянки. Куча девчонок, тусовки, и такой заразительный смех. Даже не вериться, что этот мужчина, что лежит рядом, и есть он.

Я улыбаюсь своим мыслям, не замечая, как издаю смешок.

– Я сказал что-то смешное?

Клим впервые за все время поворачивает голову в мою сторону. До этого он отвечал не глядя на меня, смотрел в потолок. Он поворачивается, а у меня мурашки по всему телу.

– Нет, просто, помнишь, – улыбаюсь, – как мы вот так же на пляже...

– Не помню.

Он говорит резче. Его интонация грубеет. Клим снова отстраняется – не физически. Морально. Отгораживается огромной ледяной стеной.

– Извини. Спокойной ночи, – бормочу в темноту, но в ответ слышу лишь тишину.

Утром, как только первые лучи солнца касаются постели, я разлепляю глаза. Клим спит. У него усталый вид. Вымотанный. Это видно, несмотря на то что сейчас его поглотило царство Морфея.

Вечером он был напряжен. Сейчас же его лоб разглажен, глаза не колют меня недоверием, тело расслаблено. Между нами расстояние в метр. За ночь оно ни разу не сократилось. Вылезаю из-под одеяла и выхожу в гостиную. Стягиваю халат, надеваю платье и, не заморачиваясь скромностью, натягиваю его пиджак.

Быстро миную четыре пролета и оказываюсь на улице. Раннее утро прекрасно отсутствием суеты. Солнце лениво

тянет лучики к земле, а холодный с ночи воздух начинает прогреваться. Я люблю утро. В эти часы даже дышится по-другому. Свободнее. Может быть, стоит опять начать бегать?

Вытаскиваю телефон и открываю приложение такси. Пока отмечаю свою геолокацию, у тротуара, в паре сантиметров от меня, останавливается машина. Поднимаю взгляд, а дверь со стороны пассажира открывается.

– Садись, прокатимся.

Глава 12

Остервенело хлопаю дверь, на что Витина бровь вопросительно ползет вверх.

– Ты бы за мной еще в номер пришел.

– Как прошло? – игнорирует мою претензию и поправляет манжеты.

– Нормально.

– Он поверил в твою искренность?

– Думаю, да, – улыбаюсь и отодвигаю край пиджака, – платье даже порвал для убедительности.

– Просто хотел полапать. И все же, – Витин сальный взгляд скользит по моему бедру, – у тебя классные ноги, Луизка. Может, минет?

– Охренел? – закатываю глаза, резко прикрываясь пиджаком.

– За эти четыре года я так и не нашел ту, кто сосет лучше, чем ты.

– Сомнительный комплимент, – кривлю губы, – высади меня здесь. Сама доберусь.

Витя кивает водителю, и тот припарковывается на центральной площади.

– Позвоню, – бросаю через плечо и выхожу на улицу.

«Мерседес» скрывается за углом, а мои холодные пальцы наконец-то нажимают кнопку «вызвать такси».

Домой приезжаю минут через двадцать. Ромка еще дрыхнет. Проскальзываю в душ, чтобы смыть с себя запах салона Витиной машины. Платье выбрасываю в урну под раковиной на кухне сразу, как только там оказываюсь. Завариваю кофе. У меня есть целое воскресенье, чтобы отдохнуть. Привести мысли в порядок.

– Ты уже вернулась? – Ромка зевает и чешет затылок. – О, кофеёк, и мне сделай, – усаживается напротив меня в одних трусах.

Беру еще чашку.

– Ты чего вскочил? Девяти даже нет.

– На запах пришел.

– Ясно.

– Ты как? – Рома перестает жмуриться и смотрит на меня в упор.

– Нормально. Как ты и советовал, рассказала все Климу.

– А он?

– А он сказал, что нам с тобой ничего не угрожает. Потом, правда, добавил, что никому верить нельзя.

Улыбаюсь и ставлю перед братом его кофе.

– И что мы делаем?

– Пока просто живем, а там посмотрим.

– Ясно, слушай, Лу, одолжи пару тысяч.

– Прям так и одолжить?

– Ага. На подарок. Лерка на др позвала.

– Карту мою возьми, сам снимешь. Я сегодня не хочу вы-

ходить из дома. Буду обжираться сладостями и смотреть сериалы.

– Отличный план. Сниму бабок и сразу к тебе присоединюсь. Только пиццу по дороге возьму.

Но спокойного воскресенья не получается. После обеда я узнаю, что отец Виктора умер. Во сне. Просто взял и не проснулся. Вот так бывает. На долю секунды я даже испытываю сожаление. Смерть – это всегда плохо. Но стоит только вспомнить, каким человеком он был, и вся горечь рассеивается.

Остаток дня проходит на автопилоте. Я постоянно думаю о родителях. Чужое горе всегда заставляет вспомнить о своем, даже когда тебе этого не хочется.

Первые месяцы после их смерти я каждую ночь была в подушку. Орала в нее от бессилия и боли. На соседней кровати мирно спал Ромка. Он уже все понимал, но дети гораздо легче переносят утраты, или же нам – взрослым – так просто кажется.

Тогда я не могла заняться своей жизнью, не могла оставить брата. Я должна была вытащить нас обоих. Поэтому осталась в городе, приняла помощь Вити и продолжала верить в то, что люблю его. Мне нужно было верить хоть во что-то. Обманываться. Пусть даже так. Прикрывать все свои поступки любовью – гнусно. Я сделала много плохого, но разве я могла позволить Роме быть усыновленным другой семьей? Нет.

Витя попросил об одолжении за помощь в усыновлении. Тогда это случилось впервые – его просьба. После их станет нескончаемое множество. Он давил на меня морально, а я просто делала, как он говорит.

В восемнадцать все видится иначе. Поступки не кажутся такими уж страшными.

К тому же я всегда ценила свою жизнь больше остальных, а теперь не могу понять, как случилось так, что я оказалась на ее обочине. Она проходила мимо меня все эти годы. Я словно барахталась на одном месте. В маленьком озере с затхлой водой. Да и барахтаюсь в нем до сих пор.

К вечеру мне сообщают дату похорон. Они уже завтра. Не знаю, зачем мне эта информация, вряд ли я решусь туда пойти. Но, вопреки всем внутренним запретам, в полдень понедельника я стою на кладбище в окружении людей в таких же черных одеяниях, как у меня.

Слушаю тихие голоса, понимаю, что собравшиеся здесь вряд ли когда-то любили или же уважали этого человека, скорее наоборот.

Бросаю горсть холодной земли в могилу, сталкиваясь глазами с матерью Клима. Она прожигает меня взглядом. Лютым, яростным. Хочется сбежать, но я достойно держу маску на своем лице. Моя спина остается прямой. Я стараюсь не выражать каких-либо эмоций.

Делаю шаг назад, упираясь в чье-то тело. Бормочу извинения и стараюсь отойти в сторону как можно быстрее.

Клима среди всех этих людей я не вижу. Хотя его отсутствие вполне оправдано прошлым.

Стягиваю английский воротник черного пальто, поправляю надетый на голову платок и бреду к воротам. Мне не стоит здесь быть. Но в глубине души я знаю ответ, понимаю, зачем пришла...

— Луиза, — голос Виктора за спиной отвлекает от размышлений. Поворачиваюсь и вижу перед собой совершенно другого человека. Осунувшегося, с красными глазами и поникшим тихим голосом.

— Соболезную, — киваю и хочу уйти.

Витя перехватывает мою руку, тянет на себя.

— Останься на поминки, — проводит пальцем по тыльной стороне моей ладони. И смотрит так... жалобно, что ли....

— Хорошо, — киваю и ненавижу себя за свое согласие.

Мельников любил отца, подражал ему, следовал указаниям и советам. Он его боготворил. Поэтому сейчас ему тяжелее всех здесь присутствующих. Даже мачеха не чувствует того же самого. Она любила своего мужа иной любовью. Конечно, она тоже страдает, но иначе. Не так, как ребенок, потерявший отца. Именно ребенок. Ведь для своих родителей мы пожизненные дети.

В особняке меня простреливает холодом. Здесь неуютно. Всегда так было. Слишком много темного дерева и морозных светлых оттенков. Не знаю, почему поминать решили

дома, обычно в подобных кругах так не принято.

Вешаю пальто на плечики и иду в уборную. Нужно ополоснуть руки, да и вообще минутка наедине с самой собой мне не помешает. Я знаю этот дом с подросткового возраста, поэтому поднимаюсь на второй этаж. Рядом с гостевой спальней есть туалет. Щелкаю шпингалетом и выдыхаю. Ужасный день.

А когда выхожу в коридор, нос к носу сталкиваюсь с матерью Клима. Она снисходительно проходит по мне глазами и качает головой. На ее лице презрительная улыбка.

– Зачем ты пришла? Тебе здесь не рады.

За последние восемь лет я была в этом доме только на масштабных торжествах, там мы с ней почти не пересекались. Элина Борисовна до сих пор винит меня в том, что Клим тогда уехал.

– Из-за тебя, дрянь, мой сын пропал на восемь лет. Ты знаешь, что такое для матери видеть своего ребенка раз в год и слышать его голос только по телефону? – она напирает, отталкивает меня к стенке.

– А вы сами у него спрашивали, из-за чего он уехал? Или решили все со своим муженьком в кулуарах? – шиплю в ответ, отпуская тормоза.

– Что? Ах ты!

Лицо начинает жечь. Она влепила мне пощечину. Хлесткую, болезненную пощечину.

Я бы могла многое сказать ей, ответить, даже разложить

по полкам, но в этом нет смысла. Когда женщина живет мужчиной и пренебрегает ребенком, она ни за что не будет слушать обвинений в свой адрес, даже если они правдивы.

– Он все равно бы уехал, – говорю совсем тихо, – не будь в его жизни меня. Подумайте почему.

Сбегаю вниз и, выдернув из гардеробной пальто, вылетаю на улицу.

Лицо обжигают соленые слезы, а перед глазами огромные багровые синяки. Тогда мне казалось, что они разошлись по всему телу. Мы только приехали из кино. Хотели понырять в бассейне, но Клим отказался. Оставил нас с Рябиной, своим другом, внизу, сам пошел к себе на пару минут. Я же потопала следом, хотела выяснить, почему он такой хмурый последние дни. Плюс движения скованные. Словно каждое даётся с трудом.

Я залетела к нему в комнату без стука, неожиданно. А когда поняла, что вижу, охнула. Прилипла к стенке. Клим был без футболки. Стоял ко мне спиной, кожа которой была изуродована синяками. Потом, уже вечером, он рассказал, что на днях отчим вернулся домой не в самом лучшем настроении. Пьяный. Сорвалась сделка. Так как физически сам он уже не мог справиться с Климом, как делал это раньше, то просто расстрелял в него обойму резиновых пуль.

Я тогда все рассказала Элине, матери Клим, но она не поверила. Сказала, что у меня слишком развитое воображение. Она просто закрыла глаза и встала на сторону мужа, снова.

Клим всегда хотел свалить от них. Всегда. И я тут была абсолютно ни при чем.

Ускоряю шаг и смотрю себе под ноги. Только вниз. Не поднимая головы. Иду вперед и до жути хочу оказаться за этим огромным забором.

– С тобой все нормально? – его голос появляется из ниоткуда. А руки ловят мое тело. Я чувствую его близость и рыдаю еще сильнее.

– Луиза? – Клим несколько раз встряхивает меня, как куклу.

Мое сознание начинает возвращаться в реальность. Медленно. По капле. Мотаю головой в разные стороны, сама не знаю, что хочу этим сказать.

– Мне так жаль. Так жаль. Все, что он с тобой делал... – сглатываю свои слезы. Тяну ладони к Климу и хаотично вожу пальцами по его груди, плечам. Со стороны может показаться, что у меня шизофрения и я как минимум нездорова психически.

Клим молчит. Даже не шевелится. Так проходит несколько долгих секунд.

– Поехали, – отстраняется и тянет меня к своей недалеко припаркованной машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.